

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ НЕГАТИН

ПРАВО ВЕРНУТЬСЯ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н41

Серия основана в 1992 году
Выпуск 941

Художник
И. Воронин

Негатин И. Я.

Н41   **Право вернуться: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1949-4

Вы верите в параллельные миры? Не торопитесь отвечать! Может так случиться, что однажды вас поставят перед этим фактом, как это произошло с Александром Талицким. Есть мир, есть задание и есть возможность открыть туда портал. Он обязан это сделать! Зачем? Парадокс, но Александр обязан уйти, чтобы заслужить... право вернуться.

О мире, куда ему придется отправиться, практически ничего неизвестно. Нет ни карт, ни результатов исследований. Ничего, кроме примерного описания эпохи. Век пароходов, время освоения новых земель и всемирных открытий. Земли, на которых царят суровые законы фронта — шаткое равновесие между порядком и анархией. Золотые прииски, войны скотоводов и таинственная организация, которая охотится за людьми и артефактами из других миров...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Негатин И. Я., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1949-4

Чтоб ты знал, какова тебе в жизни цена
с этих пор и на все времена.

Леонид Филатов

1

— Эй, парень! Ты меня слышишь?

Этот хриплый голос, доносящийся снаружи, принадлежал Марку — служителю закона и моему лучшему другу. Если учитывать обстоятельства нашей последней встречи — бывшему. Я посмотрел на лежащий рядом патронташ и даже поморщился. Десять патронов... С таким количеством зарядов мне не выбратся. Тем более что стрелять в Марка и его добровольных помощников совсем не хотелось.

— Право слово, сынок, тебе лучше сдаться! Я ведь знаю, что...

Договорить он не успел. Грохнул выстрел, и пуля с глухим стуком ударила в оконную раму над моей головой. Судя по всему, у парней, окруживших мой дом, начали сдавать нервы. Следом послышалась ругань. Марк, не стесняясь в выражениях, покрыл стрелка матом, пообещав оторвать ему голову и набить соломой. Ругался долго и занудливо. Выплевывал слова, будто не сквернословил, а жаловался. Даже куража, который отличает изящную брань от грязной площадной ругани, не было. Наконец он выдохся, перевел дух и опять обратился ко мне:

— Зачем нам впустую тратить патроны? Давай поговорим!

— Как бы не так... — прошептал я и сплюнул. Обвел взглядом избушку, которая три года служила мне надежным пристанищем, и полез в карман за куревом. Достал портсигар и выбрал сигару. Последнюю. Кстати, этот

портсигар — подарок Марка, в память о стычке с бандитами. Что и говорить — кровавая была заварушка! Даже вспомнить страшно. Прикурил и с наслаждением вдохнул ароматный дым. Да, курить я так и не бросил. Как ни старался.

Несколько минут законник молчал, а потом опять принялся за свое:

— Выходи на свежий воздух, Алекс! Обещаю, что тебя ждет справедливый суд!

Отвечать не хотелось. Как и выходить наружу, где меня поджидали два десятка мужиков, готовых стрелять во все, что движется и дышит. Тем более в человека, который изрядно потрудился, увеличивая количество надгробий на городском кладбище.

О чем это я? Да, конечно! У нас, если так можно выразиться — вечер знакомств, не так ли? Репортаж с петлей на шее, черт бы меня побрал. Ну что же... Алекс, которого так жаждет увидеть старина Марк, — это я. Если быть точным, Александр Галицкий. К вашим услугам, дамы и господа! Приподнял бы шляпу, но она лежит у порога, пробитая пулей, выпущенной кем-то из этих недоумков. Они так торопились меня прихлопнуть, что не поздоровались и не предложили сдаться. Какой уж тут «справедливый» суд!

Мне тридцать пять лет, и пять из них я отдал новой профессии. Какой? Охотник за головами. Звучит не слишком привлекательно, не так ли? Название не совсем точное, и оно, вы уж поверьте мне на слово, не отражает всей сути этого ремесла. Увы, но так повелось в этом мире, который никогда не был добр к нашему брату.

Восемьдесят шесть килограммов чистого веса, при росте метр восемьдесят. Загорелый, темноволосый и сероглазый. Как говорил один покойный приятель: «Нашими лицами детей не напугаешь, но молодые девушки смотрят все реже и реже».

Между прочим, я как раз собирался навести легкий глянец на свою физиономию и сбрить трехдневную ще-

тину. Нагрел воды и даже наточил опасную бритву, но увы — заявили эти бездельники и превратили прелестное утро в какой-то балаган со стрельбой и руганью.

Я потушил сигару, впечатав ее в пол, и отбросил окурок в сторону. Не в моих правилах мусорить, но что уж теперь... Вздохнул и подтянул поближе ружье — «Винчестер» модели 1894 года. Патроны, один за другим, скользнули в трубчатый магазин. В револьвере, который торчал из набедренной кобуры, оставался последний патрон.

Последний патрон, последняя сигара...

Есть в этом некий траурный символизм, не находите? С другой стороны, надежды на благополучный финал эти факты не прибавляли. На ум приходили мысли о скоротечности бытия и свинцовых орешках, которые припасли мои собеседники.

— Алекс!

— Иди ты в задницу, приятель... — устало отозвался я и привалился спиной к бревенчатой стене. Пахло смолой и сторевшим порохом. За окном шумели высокие корабельные сосны. Я закрыл глаза и вспомнил, как все начиналось...

Перед глазами, словно кадры из кинохроники, возник наш мир. Привычный, оставшийся по ту сторону барьера. Залитая полуденным солнцем площадь, толпы празднующегося народу и небольшой ресторанчик, расположенный неподалеку от входа в Александровский сад. Как там говорил мой визави: «Заслужить право вернуться»? Смешно... Все оказалось намного сложнее.

2

История началась шесть лет назад. Некоторые подробности, а зачастую и целые эпизоды начали тускнеть в моей памяти. Иногда кажется, что прошла целая вечность, и тогда... Тогда становится страшно. Не буду описывать всех хитросплетений моего прошлого. Поверьте

мне на слово, в нем не было ничего интересного или, более того, героического. Обычный человек, который жил в обычном, привычном для всех мире.

Работал переводчиком в небольшой конторе. Английский и французский языки. Немного знал испанский и совсем плохо — итальянский. Коллеги считали меня нелюдимым занудой, что в общем-то было недалеко от истины.

Мне было двадцать девять лет, когда я стал вдовцом. Жена и маленькая дочка попали в автомобильную аварию. Виновный скрылся с места происшествия, и его не нашли. Полагаю, что даже и не искали. Потом умерла мама. Вернулась из Петербурга старшая сестра, которая приходила в себя после тяжелого развода. Так я и превратился в этого нелюдимого человека, с искалеченным ребенком на руках. В такой ситуации поневоле станешь закрытым. Хотя... Если честно, то я никогда не любил, когда лезут мне в душу.

Близкие... Их не было. Никого, кроме сестры. Мы переехали в Москву лет двадцать тому назад. Мама после развода вернулась в свой родной город, прихватив с собой сестру и меня. Мой брат-близнец остался с отцом. Я всегда полагал, что это жестоко — разлучать братьев, но так уж сложилась жизнь. Когда повзрослел, то несколько раз пытался с ним связаться, но, увы, не вышло. Письма, отправленные на старый адрес, возвращались с пометкой «адресат выбыл», а нового я не знал.

После злополучной аварии и похорон начались поиски дополнительных заработков и обращения в различные фонды и благотворительные организации. Сумма, необходимая для операции и реабилитации, была огромной. Конторы, куда я обращался, вежливо отвечали на письма, обещая рассмотреть и по возможности помочь, но деньги были нужны сейчас, а не через год.

Потом появился этот человек. Появился неожиданно, как это бывает только в дамских романах и сериалах. Он позвонил в пятницу, представился директором благотвори-

рительного фонда и предложил встретиться. Разумеется, я согласился. Вы знаете, сколько у меня было таких встреч? До... Много, в общем.

Когда прибыл на встречу, то рабочий день уже закончился, и офисное здание, похожее на граненый стакан, почти опустело. Скучающий, но очень добродушный охранник подсказал дорогу, и вот я оказался перед дверью с незатейливой вывеской, которая сообщала, что за ней находится тот самый благотворительный фонд «Надежда».

Чопорная безгрудая секретарша, наряженная в серый брючный костюм, окинула меня томным взглядом и предложила подождать. Я послушно присел и осмотрелся. Приемная была украшена красочными, но безликими фотографиями. Шкафы, заполненные папками, и пыльный пластиковый веник в глиняном вазоне, который старательно изображал пальму.

Через несколько минут меня пригласили в кабинет. Такой же безликий, как и приемная. Разве что мебель была подороже, а вместо пальмы из горшка выглядывал пухлый кактус с ярко-красным цветком на макушке. Судя по всему, настоящий.

Директор фонда впечатления не произвел. Представился как Владимир Семенович, был подчеркнуто вежлив, но холоден. Улыбался, показывал хорошие зубы, но взгляд оставался колючим. Лет сорока с небольшим, худощав, но двигался медленно и вальяжно. Короткая стрижка, седые, уже начинающие редеть волосы. Высокий лоб. Лицо... С этим труднее. Его сложно запомнить и еще труднее описать. Достаточно закрыть глаза или отвернуться, чтобы образ смазался в памяти.

Разговор продолжался не больше десяти минут. Он равнодушно перелистал принесенные мной документы, задал несколько дежурных вопросов и пообещал сделать «все возможное и даже невозможное». Мы попрощались, и я ушел, выругавшись за впустую потраченное время. Разумеется, про себя. К большому удивлению, Владимир Семенович перезвонил через несколько дней и предло-

жил встретиться, чтобы, как он выразился, «уточнить некоторые детали».

Вторая встреча была похожа на первую, с той лишь разницей, что мой визави осторожно интересовался работой, заработками и планами на будущее. Если бы я работал в какой-нибудь секретной организации, то решил бы, что меня вербуют. Неторопливо и осторожно, прижимая к стенке семейными обстоятельствами.

Владимир Семенович был вежлив. Вежлив до отвращения и головной боли. Он говорил медленно, едва шевеля узкими и бесцветными губами. Словно не говорил, а цедил отдельные звуки, которые каким-то чудесным образом складывались в слова.

Как вы смотрите на предложение сменить работу? Как вы относитесь к разумному риску? Готовы ли вы сменить место жительства? Эти и множество других вопросов напоминали собеседование. Неприятная манера разговора, но у меня не было выбора. Приходилось терпеть и слушать. Если честно, то я был готов на что угодно, лишь бы помочь дочери. Что я и сказал, решив покончить с этим допросом. Увы, но работы, как и помощи, Владимир Семенович не предложил. Обещал подумать и перезвонить.

Уже потом, гораздо позже, я понял, что меня просто держали на крючке и ждали, пока созрею. Тем более что сроки поджимали. Нашлась одна клиника в Швейцарии, которая была готова принять дочь на лечение. Кстати, врач был русским. Прекрасный специалист. Про таких говорят — хирург от Бога. Все шансы на успех операции и успешную реабилитацию, если бы не одна проблема — деньги.

Затем была еще одна встреча с Владимиром Семеновичем, на которой он заявил, что фонд не смог найти деньги, но... он может предложить работу, которая позволит мне получить нужную сумму. Вы знаете, когда это услышал, то захотелось встать и съездить ему по морде. Потому что я не представлял себе работу, которая принесет такое количество денег за столь короткий срок.

Видимо, он понял, что еще несколько секунд, и я просто взорвусь. Поэтому быстро убрал улыбку и начал рассказывать. Издали и очень осторожно, словно давал мне возможность обдумать и поверить. Это звучало как бред сумасшедшего, если бы не одно обстоятельство: в случае моего согласия деньги будут перечислены авансом на любой из указанных счетов. Владимир Семенович был так любезен, что дал мне сутки на размышление...

Лето в том году выдалось сухим и жарким. Полыхали торфяники, обрекая столичных жителей на дополнительную порцию смога. Воздух был тяжелым и липким. Он обволакивал тело вязким коконом, отбивая желание двигаться.

Несмотря на это, каменные джунгли были забиты потоками машин и вечно спешащими пешеходами. Мегполис диктовал правила бытия. Город, который никогда не спит. Предел мечтаний для бесчисленного количества людей, которые всеми правдами и неправдами выгрызали право на столичную жизнь, обрекая себя на вечный и зачастую бессмысленный бег.

Я смотрел на собеседника и не мог понять: за каким чертом он назначил встречу в центре города, забитом одуревшими от жары туристами? Собеседник... Беседа больше напоминала монолог: он говорил, а я слушал. Моих реплик здесь и не ждали. Несмотря на это, возникало какое-то непонятное чувство. Чувство, что для него очень важен ответ. Положительный. Он нервничал. Едва заметно, но нервничал. Помешивал давно остывший кофе, а потом долго теребил бумажную салфетку. Будто оригами складывал.

Мимо ресторанной террасы, где мы сидели, прошла небольшая группа туристов. Их лица блестели от пота, а охрипшая девушка-экскурсовод едва находила силы, чтобы отвечать на бесчисленные вопросы. Она остановилась, окинула взглядом своих подопечных и устало кивнула. Кивнула и поплелась дальше, уводя их к могиле Неизвестного солдата. Медленно и тяжело. Как маленький,

но очень упрямый буксир, который тащит переполненную баржу. Жарко...

— Итак, Александр Сергеевич, — продолжил он, — что вы решили? Вам ведь нужны деньги для лечения вашей дочери, не так ли?

Отвечать не было необходимости — Владимир Семенович все знал лучше меня. Поэтому я просто кивнул и потянулся за сигаретами. Перед глазами возникли бесчисленные бумаги и счет за лечение, украшенный хищной черной цифирью.

— Вы слишком много курите... — сухо заметил он, но тут же опомнился и спрятал свой тон за дежурной улыбкой. — Ну да ладно, это не мое дело.

— Брошу. Когда-нибудь.

— Давайте пройдемся, — неожиданно предложил Владимир Семенович и поднялся, даже не вспомнив про неплаченный счет. Я потянулся за бумажником, но он только отмахнулся:

— Оставьте...

Ну да, конечно. За соседним столиком сидит мордорот, который пришел вместе с ним. Такому дай оглоблю в руки, так он весь базар разгонит.

Владимир Семенович сделал несколько шагов и тяжело вздохнул. Да, сегодня жарко. Тем более в костюме. Несколько секунд он раздумывал, а потом снял пиджак. Пожалуй, я слегка погорячился с определением статуса. Если человек позволяет себе носить рубашку с коротким рукавом и галстук, то о высоком положении можно сразу забыть. Несмотря на приличный костюм и дорогие часы. Какой-нибудь средний чиновник, не более. Не знаю почему, но мое настроение резко испортилось. Он не был похож на человека, который может решить мои проблемы.

— Итак, что вы решили? — повторил он вопрос.

— Это звучит слишком... — я даже не нашелся с ответом.

— Фантастично?

- Пожалуй.
- Вы не верите в параллельные миры?
- Ну как же... Верю, разумеется. Каждый день их наблюдаю. По телевизору.
- Смешно. — Он кивнул, но лицо так и осталось непроницаемо серьезным.
- Очень.
- Вы любите фантастику?
- Хотите сказать, что фантасты пишут правду?
- Не все, разумеется, но... — Владимир Семенович сделал паузу и даже вздохнул, — людей надо постепенно приучать к мысли, что это возможно.
- Параллельные миры?
- Параллельные? — переспросил он и наконец усмехнулся. — С ними как раз наоборот, все просто и понятно. Они существуют и по мере возможности изучаются. Надо признать этот факт как должное и не удивляться. Нас интересует нечто другое.
- Что именно?
- Вы еще не дали своего согласия, — напомнил он.
- Вы говорили про деньги на лечение моей дочери и деньги на реабилитацию.
- Как только услышу ваш положительный ответ...
- Согласен, — твердо сказал я, будто поставил точку в этих долгих переговорах. — Но мне нужно время, чтобы попрощаться с моими сестрой и дочкой. Нужно оформить документы на опеку.
- Разумеется. — Владимир Семенович остановился и кивнул своему спутнику, который шел следом. — Вас отвезут. В вашем распоряжении четыре часа. Насчет документов можете не беспокоиться — поможем.
- Что будет потом?
- Потом? — переспросил он. — Потом начнется ваша работа. Точнее — подготовка к работе.
- Вот так, сразу?
- Ступайте, Александр, — кивнул Владимир, — у вас не так много времени.

- Да, конечно... Деньги?
- Через полчаса будут переведены на счет вашей сестры и счет швейцарской клиники.
- Благодарю...

3

Надеюсь, вы меня поймете и простите, но я не буду описывать сцену прощания. Сестра у меня взрослая и все прекрасно понимает. Работа. Да, очень далеко. Не знаю, может, на пару лет... Писать? Конечно, буду. По возможности. Дочка... она тоже поймет. Когда подрастет немного. Обещанная сумма уже пришла на банковский счет сестры. Телефонный разговор с врачом из швейцарской клиники окончательно убедил меня, что все серьезно. Деньги из фонда «Надежда» для лечения моей дочери уже перечислены. Вот так... Честный обмен: жизнь на жизнь.

База, на которую меня переправили, оказалась далеко за пределами Москвы. Сначала был долгий перелет на военно-транспортном самолете, а потом еще один — на пузатом вертолете, который всю душу вытряс вибрацией. Поздно вечером, уже в сумерках, мы прилетели в какой-то маленький городок, расположенный на берегу реки. Скрипящий тормозами газик и тряская поездка по лесным дорогам. Примерно через час мы достигли цели путешествия.

Территория, огороженная высоким забором, и железные ворота с контрольно-пропускным пунктом. Проверка документов, еще одни ворота и снова проверка. По глазам мазнул свет фонарика: скрежет ворот, и наконец мы подъехали к двухэтажному зданию. Окрестности тонули в темноте, и лишь над входом горел фонарь, облепленный ночными бабочками.

Комната на первом этаже, кровать с черным инвентарным номером, два шатких стула и письменный стол. Легкий запах йодоформа, присущий всем казенным поме-

щениям. Владимир Семенович, который прилетел вместе со мной, пожелал спокойной ночи и ушел. Я так устал, что сразу и вырубился.

Когда проснулся, на улице уже светило солнце. За окном увидел несколько строений, высокий забор защитного цвета, украшенный колючей проволокой. На столе стоял пластиковый поднос с завтраком. Видимо, я спал так крепко, что даже не слышал, когда его принесли. Колбаса, масло, сыр. Свежий и очень вкусный хлеб. В термос был налит кофе. Едва успел перекусить, как в дверь постучали.

Владимир Семенович окинул меня оценивающим взглядом, благосклонно кивнул и проводил к медикам. Судя по его покрасневшим глазам и легкой небритости, он еще не ложился. Бывает... Как там в песне звучало: «покой нам только снится»? Безликие коридоры, освещенные холодным светом люминесцентных ламп, безликие кабинеты. Даже охранники, скучавшие на своих постах, и те казались безликими.

Медики занимались моей тушкой несколько часов. Брели анализы, подключали какие-то приборы. Тщательно осмотрели тело и недовольно поморщились, найдя старый шрам на бедре. Наконец все было закончено, и Владимир Семенович, успевший подремать в кресле, отвел меня на обед. Обедали в небольшой комнате без окон. Несколько хлипких столиков, легкомысленная клеенка в цветочек и круглолицый молчаливый повар, выглянувший из окошка раздачи.

Вопросов я не задавал, а мой спутник тоже отмалчивался, думал о чем-то своем и молча хлебал борщ. Уехав из Москвы, он как-то расслабился и превратился в обычного человека. Исчезла эта напускная важность. Он стал строже, но проще и даже ближе.

После обеда меня отвели к начальству. Коридоры, подземные переходы... Серьезно здесь ребята устроились, ничего не скажешь. Кабинет начальника меня удивил. Он будто случайно оказался здесь, переместившись

из прошлого. Антураж сороковых или пятидесятых годов. На столе шеренга телефонных аппаратов. Даже простенького компьютера не видно. Мебель из натурального дерева, кожаный диван с высокой, неудобной спинкой и настольная лампа с зеленым абажуром. Высокие полки забиты книгами.

Среди казенной серости, которую я здесь видел, этот кабинет был живым оазисом, в котором чувствовалась... не знаю, как это назвать. Душа? Сила? Нет, пожалуй, не так. Здесь чувствовалась мощная энергия государства. Той самой, «ранешней школы», как любил говорить один мой знакомый. Даже в приемной вместо секретарши сидел мужчина. В гражданском костюме, но с безупречной военной выправкой.

Начальник представился Иваном Ивановичем. Ему было около шестидесяти, но выглядел он крепким и сильным мужчиной. Похож на актера Алексея Глазырина, запомнившегося по фильмам «Белорусский вокзал» и «Щит и меч». Суровый взгляд, очки в черной роговой оправе. Серьезный дядька. Не знаю почему, но в памяти возник смутный образ полярника, которого оторвали от привычного ритма жизни и насильно усадили на административную работу. Было в его фигуре что-то основательное и очень знакомое, но память подбрасывала лишь фальшивые, не связанные с реальностью образы.

— Добрый день, Александр Сергеевич.

— Добрый день...

— Присаживайтесь. — Он кивнул на стул и посмотрел на меня поверх очков. — Отдохнули?

— Да, конечно. Готов приступить к работе.

Он хмыкнул и оценивающе прищурился. Что-то неразборчиво пробурчал и открыл папку, поданную Владимиром Семеновичем. Мельком посмотрел на документы и поднял взгляд на меня.

— Готов, говоришь... — Он сцепил руки в замок и покосился на помощника. — Что медики?

— Работают...

— Вот и славно, — кивнул Иван Иванович и опять посмотрел на меня. — Ну что, Александр Сергеевич? Не страшно?

— Нет.

— Это ты, братец, врешь... — протяжно сказал он и усмехнулся. — Вижу, что страшно.

— Немного.

— Двадцать девять лет. Не был, не состоял, не привлекался. Дочери нужна операция. Хм... приличная сумма. Проживает в двухкомнатной квартире со старшей сестрой. Брат-близнец, с которым вы не виделись... — Он перелистал несколько страниц, сделал паузу и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Больше двадцати лет. Наши родители разошлись, когда мы были еще маленькими.

— Разлучать братьев-близнецов — не самое лучшее решение, не правда ли? — буркнул он, но я не ответил. Молча пожал плечами. — И что, больше никогда не встречались? — удивленно заломил бровь Иван Иванович.

— Нет. Я пытался его найти, но ничего не получилось.

— Ну да, конечно... Учитывая работу вашего отца, в этом нет ничего удивительного.

Отец, которого уже и не вспомню, работал в закрытом исследовательском институте. По крайней мере, так рассказывала мама незадолго до своей смерти. Рассказывала неохотно, без имен и подробностей. Она избегала таких разговоров и даже уничтожила все фотографии, которые напоминали о прошлой жизни.

— Ну что же... Начнем, пожалуй?

— Пожалуй...

— Ваш брат, Владислав Сергеевич Талицкий...

Братишка у меня оказался молодцом. Окончил университет, работал вместе с отцом и участвовал в одном из закрытых проектов, связанных с изучением параллельных миров. Все это мне поведал Иван Иванович. Он многое рассказал, но, как я уже говорил, некоторые факты

стерлись из памяти. Остались лишь те, которые имели отношение к этой истории, да и то с пробелами. Разговор продолжался довольно долго, и, поверьте, в нем не было ничего интересного. Пока мы не подошли к самой сути...

— Среди параллельных миров, — сказал Иван Иванович, — которые мы изучаем, есть так называемые блуждающие. По российской классификации — «призраки».

— Есть еще и не наша? — поинтересовался я.

— Разумеется, — кивнул он. — По классификации наших заграничных коллег — «хищники». Они подобны кометам, которые вторгаются в другие миры и быстро исчезают, прихватив какие-нибудь «трофеи». Бывало, целые поселки вместе с людьми исчезали. Изучение таких миров затруднительно, но вашему отцу повезло — ему удалось наладить связь с одним из них. Неустойчивую, но это позволило немного приблизиться к цели.

— Какой именно?

— Извините, Александр, но эта информация вам не нужна.

— При чем здесь мой брат?

— Он был первым, кто сумел перебраться в этот «призрачный» мир. Это произошло три года тому назад. Увы, но связь прервалась.

— Влад погиб?

— Он жив. Маячки, которые имплантированы в его тело, это подтверждают. Сигнал очень слабый, но это особенность всех миров-«призраков».

— Извините, не понимаю, зачем вам понадобился я?

— Дело в том, Саша, что процесс перехода до конца не изучен. Повторить эксперимент, который был проведен вашим отцом, можно лишь с человеком, который...

— Мой отец жив?

— Увы, — начальник развел руками, — будь он жив, мы бы смогли перенастроить эту систему под любого нашего сотрудника. Поверьте, добровольцев хватает.

— Короче говоря, вам нужен дубликат моего брата?

— Можно сказать и так.

— Что я должен сделать?

— Найти Влада и передать средство связи, которое позволит настроить обратный портал для его перехода в наш мир.

— Его?

— Я буду честен, Александр, — сухо сказал начальник и сверкнул линзами очков, — право вернуться — надо заслужить.

— Резонно...

— Ваш брат — подающий большие надежды ученый! Надеемся, что он сможет продолжить дело своего отца. Он нам очень нужен. Живым и здоровым.

— Да, конечно, — кивнул я, — понимаю. Что это за мир?

— Все параллельные миры чем-то похожи.

— Никогда бы не подумал.

— А чего вы ожидали? Эльфов? Орков с драконами? Параллельные миры — это ветви одного дерева. Было бы странно ожидать, что на яблоне вырастет груша или вишня. Разница есть, но лишь в деталях. Разные времена, эпохи...

— И какой мир меня ожидает?

— Интересный. Если сравнивать с нашим, то примерно конец девятнадцатого века.

— Belle Époque...¹ — усмехнулся я.

— Можно сказать и так. Не самая плохая...

Как-то все быстро происходит, не правда ли? Вы ждали иного? Длинных рассуждений о мирах, смысле бытия и продолжительных рефлексий? Удивленных вздохов о существовании параллельных миров? Зря... Кстати, скажите честно, а вы бы сильно удивились, окажись на моем месте? Могу поспорить, что у большинства из вас захватило бы дух от радости. Новый мир, новые приключения. Новая жизнь.

Ладно, так уж и быть, признаюсь...

Когда меня привезли на базу, познакомили с персона-

---

¹ Прекрасная эпоха (*фр.*).

лом и начальством, то появилось странное чувство. Даже не знаю, как его описать. С одной стороны — облегчение, что у моей дочери появился шанс выздороветь и жить полноценной жизнью. С другой — было немного страшно и даже больно, что этого я никогда не увижу. Нет, я не надеялся выжить. Поймите меня правильно: даже если очень повезет и удастся найти Влада, то сильно сомневаюсь, что меня выдернут обратно.

Такие проекты, как понимаю, слишком дорого обходятся. Зачем тратить драгоценные ресурсы на перемещение отработанного материала? Проще забыть, спасая одного, но ценного сотрудника. Братские чувства? Вы это серьезно? Бросьте! Я не видел Влада больше двадцати лет и сомневаюсь, что у нас найдутся какие-то темы для разговора.

4

На следующий день после разговора с начальником меня познакомили с инструктором Михальчем. Он невысокий, крепкий мужчина средних лет. Точнее не скажу — ему могло быть и тридцать пять, и сорок, и даже пятьдесят. Есть люди, над которыми время не властно. Круглолицый, русоволосый. Над губой топорщилась жесткая щетка усов, которая придавала ему задиристый вид и делала похожим на бродячего кота, готового и к любви, и к драке. Как оказалось позднее, я не ошибся. Даже прозвище оказалось очень подходящее — Боцман.

Он прищурил свои глаза цвета ячменного пива и окинул меня критическим взглядом:

— Похож...

— Что-то не так? — спросил я.

— Как тебе сказать... — буркнул инструктор и поморщился.

— Как есть.

— Не обижайся, но на Владьку ты похож как дудка на гаубицу. Дырка вроде есть, а толку?

— Вас послушать, так у меня не братик, а киборг.

— Киборг не киборг, а покрепче тебя будет. Запустил ты свое тело, Шурка! Не стыдно?

— Александр.

— Что? — не понял инструктор.

— Меня зовут Александр.

Инструктор замолчал и удивленно уставился на меня. Долго рассматривал. Будто первый раз видел. Потом хмыкнул и расхохотался.

— Ну-ну... Узнаю породу. Ладно, поглядим, какой ты есть, Александр Талицкий...

Не знаю, чем руководствовался начальник, давая задание инструкторам. На обучение и подготовку отводился один месяц. Сами понимаете, за такой срок невозможно подготовить профессионального поисковика-спасателя. Тем более такого, которого забросят в иной мир. Времени хватало лишь для ознакомления с техникой и скромной физической подготовки.

Если вы ожидаете, что я начну рассказывать про стрельбу по-македонски и прочие чудеса беллетристики, то можете смело откладывать мои записи в сторону. Ничего подобного не было и быть не могло. Хватало некоторых навыков выживания, самообороны и стрельбы. Снайпера за такой срок из меня не сделали, но пулять в сторону мишеней научили.

Дважды ко мне наведывался психолог. Сухонький и сгорбленный старичок, который назвался Семеном Моисеевичем. Крючконосый и седовласый. Он долго меня расспрашивал о разных житейских мелочах, прошлом, делал пометки в истрепанном блокноте и горестно вздыхал. Если по его реакции судить о моих перспективах, то можно смело брать лопату и брести на кладбище. Уныло и неторопливо, бормоча себе под нос:

— Да-да, конечно... так будет лучше. Наверное...

Территория разделена на закрытые секторы. Чтобы попасть в соседний, надо пройти через пост охранника. Нет допуска — разворачивайся. Не полезешь же через за-

бор, право слово! Тем более такой — усиленный колючей проволокой. У меня был свободный допуск в жилой и спортивный секторы, где в ангаре находились приличный спортзал и пятидесятиметровый тир. В остальные мог пройти только в сопровождении инструктора или Владимира, который последнее время появлялся все реже и реже.

Распорядок дня был по-армейски строгим.

Подъем в пять часов утра, пробежка в компании инструктора, завтрак и утренний визит к очкастым и молчаливым ученым. Один час в окружении непонятных приборов и суровой медсестры — и вперед, на занятия! Обед, опять занятия, физическая подготовка, очередной визит к медикам, специальная подготовка, ужин, отбой.

Первую неделю я так уставал, что едва доползал до кровати. Даже мыслей в голове не было. Какая-то каша... Потом немного втянулся и уже мог себе позволить скоротать вечерок на лавочке, попивая чай и рассматривая глухой забор. Двор, где я отдыхал, был размером с две баскетбольных площадки. Несколько высоких сосен, шеренга пушистых елок и даже клумба с ярко-оранжевыми цветами. Ну и четыре старомодных лавочки, разумеется.

Персонал базы здесь не появлялся. Даже в двухэтажном общежитии, где я ночевал, никто не жил. Иногда до меня доносились звуки ударов по мячу и веселые крики игроков, которые веселились за одним из этих заборов. Одиночество? Нет, поверьте мне на слово, меня это не тяготило. Несмотря на ситуацию, я наслаждался этим временным покоем, свежим воздухом и запахами соснового бора, который стеной высился за оградой. Вспоминал погибшую жену и думал о дочке. Все-таки мне повезло с этой работой. Наверное...

Иногда ко мне присоединялся Михалыч, который давал полезные советы. Говорил, надо заметить, очень осторожно. У меня даже появилось ощущение, что мои работодатели и сами не знают, куда именно меня забросит. Воображаемый образ «прекрасной эпохи» понемно-

гу тускнел и превращался в нечто туманное и очень неопределенное.

— О чем думаешь? — послышался голос, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Обернулся и увидел Михалыча с двумя полными кружками.

— Тьфу! О чем... Как послезавтра падать буду.

— Не переживай, научишься, — снисходительно сказал он и протянул мне кружку. Уселся рядом и с наслаждением вытянул ноги.

— Куда я денусь с подводной лодки? — кивнул я и попробовал чай. Крепкий, сладкий и душистый. Умеет Михалыч чай заваривать! Что касается моих возможных падений, то это тоже часть подготовки. Завтра должен приехать инструктор, а точнее — инструкторша. Вместе с двумя лошадками. Да, я тоже удивился, но ничего не поделаешь. Кто там знает, на чем ездят в иных мирах? Может, на лошадях, а может — на динозаврах. Лишним не будет.

— Главное, Саша... — начал Михалыч и шумно отхлебнул чаю. Потом ткнул пальцем в небо и продолжил: — Главное — ничего себе не сломать.

— Умеете вы, Михалыч, ободрить приговоренного.

— Ну уж... приговоренного. Не ты первый, не ты последний.

— Это как понимать?

— Да это я так... — смутился Михалыч, — присказка у меня такая.

— Понял, не дурак.

— Ты это... кури поменьше.

— Ничего, скоро брошу.

— Ну-ну...

Через несколько минут он допил чай, поднялся и ушел, напомнив, что через пару дней мы будем подбирать аварийный запас, одежду, снаряжение и оружие.

Когда я узнал, что меня вооружат, то настроение слегка поднялось. Как у любого мужика, которому разрешили поиграть в игрушки для взрослых мальчиков. За последние две недели я успел вдоволь наиграться с этими желез-

ками! Если ваше воображение нарисовало автомат Калашникова и полный рюкзак патронов, который можно захватить в иной мир, то вы будете разочарованы! Эпоха «призрака» определяет не только направление подготовки, но и уровень снаряжения. Никто вам не позволит взять компьютер с фильмами и современное оружие.

— Эпоха определяет сознание, снаряжение и... вес, — наставительно повторял Михалыч и тыкал пальцем в небо.

Я вежливо кивал и, забыв про современное оружие, изучал старинное. Уроки начались с дульнозарядных ружей и закончились мосинской винтовкой. Довелось познакомиться и с револьверами, среди которых попадались очень интересные образцы. Кстати, капсюльные револьверы, представленные моделью «Colt Navy» сорок четвертого калибра, не понравились. Выглядит красиво, не спорю, но если разобраться — ну их к дьяволу, такие игрушки!

Осколки капсюля часто попадали в щель между рамой и барабаном, что приводило к задержке — барабан не проворачивался. Было несколько случайных воспламенений соседних камор, но это моя ошибка — не покрыл пулю «салом». Да и зарядание, сами понимаете... Пока порох отмеришь, пулю загонишь и капсюль на брандт-рубку прицепишь, то столько времени пройдет, что тебя успеют и убить, и закопать, и даже «Requiem aeternam»¹ прочесть. Разумеется, если на том свете молитвы знают и читают.

Про вес, который определяет эпоха, тоже не просто так сказано. Хотя и не совсем точно. Не эпоха, а миры. Как я понял из уклончивых рассказов инструктора, в параллельные миры можно протащить больше груза, нежели в миры-«призраки». Не знаю, чем это обусловлено, но с этим приходилось мириться. Мой собственный вес не

---

¹ «Покой вечный» (*лат.*): название и первые слова католической заупокойной молитвы.

учитывался. Опять же по каким-то особенным причинам. Если не растекаться мыслью по дереву, то не больше двадцати пяти килограммов. На первый взгляд не так уж и мало. Если же начинаешь думать и прикидывать, то понимаешь, что это немного. Одежда, которая будет на мне, тоже взвешена и подсчитана. Вообще-то общий вес разрешенного к отправке груза — тридцать килограммов, но пять из них можно смело вычеркивать — это «посылка» для Влада.

Параллельные миры... Если верить некоторым рассказанным мне фактам, то «призраки» — скорее «перпендикулярные». Они подчинялись каким-то непонятным законам, вторгались в соседние и затем пропадали на очень долгое время. В общем, настоящие хищники.

Прошло несколько дней. Прибыла инструкторша со своими лошадьми, и теперь мой день начинался не с пробежки, а с тряски. Не скажу, что это сильно радовало. Седла, которые мне удалось попробовать, были различных типов: английские, казацкие и даже ковбойские. Каждое из них определяло манеру езды и посадку.

Может, я покажусь непатриотичным, но самое удобное из этих седел — ковбойское. В нем можно совершать долгие переходы и не жаловаться, что задница отваливается. При желании и определенной сноровке даже поспать можно. Английское... Я бы назвал его пижонским, но боюсь, что меня заклюют наездники-профессионалы. Не буду с вами спорить — наездник я слабый и неопытный. Казацкое седло искренне удивило. Даже не могу описать впечатления.

Инструкторша, молодая женщина, немного похожая на актрису Инну Чурикову, долго морщилась, наблюдая, как я трясусь на лошади. Неделю убил на обучение, но научился сидеть в седле. Сидеть, а не болтаться, как плохо привязанный мешок картошки.

Через три недели после начала занятий у меня забрали одежду и выдали новую, в которой я и отправлюсь «на тот свет». Старомодное нательное белье с завязками, бежевая

рубашка из толстой байки и темно-серые штаны из парусины, похожие на классические джинсы. Портянки, кожаные сапоги и широкополая светло-коричневая шляпа из фетра. Так и ходил, разношивая обувь и привыкая к новому наряду. Вы знаете, было удобно.

Примерно в это же время мы начали подбирать мне экипировку. Михалыч привел меня на склад, зажег свет и ткнул пальцем в большой стол, на котором лежали вещи, укрытые куском брезента. Светильник, похожий на литровую банку, висел на сводчатом потолке и освещал небольшой пятачок у входа. В глубине склада виднелись ряды стеллажей, забитых разномастными ящиками, бочонками и тюками. Пахло кожей, оружейной смазкой и еще чем-то неуловимо приятным.

— Если ты, шельмец эдакий, пообещаешь хорошо себя вести «на том свете», — сказал он и прицелился в меня пальцем, — то разрешу взять несколько пачек сигарет и фляжку коньяку.

— Лучше табаку и трубку.

— Посмотрим... — хмыкнул Михалыч и откинул ткань в сторону. — Владей, бездельник.

— Богато... — присвистнул я.

5

— Револьвер, ружье и два ножа, — неторопливо перечислял Михалыч, наблюдая за моей реакцией. — Это из железок, не считая разной мелочовки.

Винтовка, которой меня вооружили, оказалась классическим «Винчестером» модели 1894 года. Полагаю, что вы такие видели, и не один раз, в фильмах о Диком Западе. Да, тот самый, с рычажным взводом, под американский винтовочный патрон калибра семь шестьдесят два или, если вам так будет угодно, 30-30 Winchester.

— Хорошее ружьишко, — хмыкнул я, — древнее, как дерьмо мамонта.

— Хочешь, взамен капсульное выдам, чтобы оценил? — пробурчал Михалыч. — То самое...

— Нет, спасибо! Пробовал уже.

Ружье, которым меня страшал инструктор, было дульнозарядным. Тем не менее ствол нарезной, сорок четвертого калибра, и надо заметить, довольно точный. Только тяжелый, как лом. Нет, нам такого добра не надо.

— Вот и радуйся, — подал голос Михалыч, словно прочитав мои оружейные мысли.

— Радуюсь, — вздохнул я и взял в руки револьвер.

Слава богу, что не капсульный. Модель 1873 года, больше известная как «Миротворец». Одинарного действия, шестизарядный, сорок пятого калибра. К этому арсеналу было выдано по сотне патронов на ствол, упакованных в четыре холщовых мешочка.

Рядом лег увесистый нож, похожий на классический боуи, и небольшая финка в глубоких ножнах. Из вещей достались легкий шерстяной свитер и анорак с капюшоном и карманом на груди. Куртка была пошита из тонкой кожи и пропитана какой-то водонепроницаемой дрянью. Три пары нижнего белья, отрез ткани на портянки и рюкзак из толстой парусины с кожаными накладками.

Разная мелочовка вроде иголок и суровых ниток, опасная бритва, гребешок, зубная щетка и два куска хозяйственного мыла. Аптечка, карманные часы в серебряном корпусе, соль, спички и небольшой запас продуктов: вяленое мясо и мешочек с крупой. Пачка чая, немного кофе, котелок и формованная кожаная фляга, проваренная в пчелином воске. Два ремня, патронташ с кобурой для револьвера и моток веревки. Как мрачно пошутил Михалыч — чтобы повеситься, когда совсем плохо станет.

Отдельно от вещей лежали три золотых пластинки, похожие на плитки шоколада. При необходимости можно было легко отломать один маленький квадратик, который весил ровно один грамм. В общей сложности сто пятьдесят граммов.

— Доволен?

— А где табак?

— Хм... Ладно, посмотрю, — кивнул Михалыч.

Он открыл один из ящиков и достал бумажный сверток. Трубка из вишни, две пачки табаку и три десятка сигарет, правда без фильтра и не в пачках. Судя по упаковке — все было собрано заранее, а Михалыч просто ждал подходящего момента, чтобы меня порадовать.

— Ну что, бездельник, теперь твоя душенька довольна?

— Хм... — ухмыльнулся я, — а где обещанная бутылка коньяку?

— Вот нахал! Держи. — Он полез в набедренный карман и вытащил плоскую фляжку.

— Теперь доволен.

— Ну и славно. Пошли к медикам, маячки ставить.

Маячки, о которых упомянул инструктор, — это два чипа, которые вживляют в предплечья. Почему именно два? Понятия не имею. Видимо, есть шанс остаться без руки. Если без одной вы еще сможете работать, то без двух, сами понимаете, будете начальству неинтересны. Разве что какой-нибудь зубастой твари пригодитесь, которая решит поужинать вашим ливером.

Незаметно прошла еще одна неделя. Закончился месяц, отведенный для моей подготовки. Закончился как-то серо и очень буднично. Никаких экзаменов и торжественных речей не было. Никто не хлопал меня по плечам, выражая надежду, что я не подведу и буду достоин этого большого доверия, которое мне оказывают. Все произошло очень просто: под конец занятий к нам заглянул Владимир Семенович и сказал, что подготовка закончена. Меня ждал еще один медицинский осмотр и... И все.

Вечером, после всех медицинских процедур, я сидел во дворе и пил чай. Предплечья, замотанные бинтами, противно зудели. Немного погодя пришел Михалыч. Он покосился на меня, покряхтел и уселся рядом.

— Послезавтра начинается «дорожка».

— Ну и слава богу, — кивнул я и выбил из пачки сигарету. Неторопливо прикурил, погасил спичку и помор-

щился. — Хоть что-то изменится. Надоело уже здесь сидеть сидеть.

— Это у тебя предстартовый мандраж начинается.

— Может, и так.

— Ты меньше думай и быстрее соображай. Это, говорят, полезнее для организма.

— Чувство такое...

— Какое?

— Странное. Будто не со мной происходит, а с каким-нибудь персонажем из книжки.

— Сказал бы я тебе Саша... матом. И вообще... — Он замаялся и потер рукой подбородок.

— Что?

— Не нарывайся там. Знаю я вашу породу. Твое дело — Владьку найти и передать посылку. Приключений на свою задницу не ищи — глядишь, и выпутаешься...

— Они меня и сами найдут, приключения эти.

— Вот этого я и опасуюсь, — вздохнул Михалыч.

«Дорожкой» в этом богоугодном заведении называется пятидневный карантин, в течение которого я буду жить в изолированном боксе, похожем на барокамеру. Кстати, он рассчитан на двух постояльцев. Понятия не имею зачем, но мое дело исполнять, а не спрашивать. Тем более что все равно не ответят. Покосятся удивленно, как на несмышленища неразумного, да и только.

Последний вечер, который я провел «на свободе», прошел как-то совершенно незаметно, несмотря на отвальную, которую мне все же устроили. На заднем дворе накрыли стол и принесли тяжелый мангал. Пришли Михалыч, Владимир Семенович, Катерина — инструктор по верховой езде и даже Семен Моисеевич. Старый психолог заглянул на пару минут, выпил рюмку водки, повздыхал для порядка и ушел не прощаясь. Мы тоже не стали засиживаться. Шашлычков поели, выпили немного и разошлись. Чем не поминки?

В карантине было тоскливо.

Курить нельзя, вместо нормальной еды выдавали какую-то консервированную гадость, похожую на детское

питание. Раз в день приходил Михалыч, чтобы поболтать и подбодрить. Общались через стекло, по телефону. Пару раз приходил психолог, чтобы убедиться в моем предстартовом мандраже. Он горестно вздыхал, что-то черкал в толстом засаленном блокноте и тихо удалялся.

Из бокса было два выхода. Один для меня уже закрыт, а второй должен был открыться через пять дней — круглый люк, похожий на переход между отсеками в подводной лодке. Одежда и вещи, которые отправятся вместе со мной, были упакованы и лежали у порога.

В боксе было тепло, и я валялся на койке в одном нижнем белье. Писал письма, которые обещали отправлять сестре через определенные промежутки, и читал книгу, которую дал Михалыч. Если честно, то содержания не запомнил. Начинал читать, но мысли путались и разбегались по сторонам, отвлекая от лихо закрученного сюжета. Какая-то беллетристика, заполненная вымышленными кошмарами.

Последний день почти выветрился из памяти. Зазвонел телефон, и Владимир Семенович неожиданно дрогнувшим голосом сказал, что «пора уходить». Пока хлопал глазами, пытаюсь понять и осознать услышанное, открылся люк. За ним стояли два человека, упакованные в оранжевые защитные костюмы.

Страшно?

Нет, пожалуй, не так. Ноги моментально стали ватными, я опустил на стул и зачем-то вытер руки о колени. Захотелось закурить и дернуть рюмку водки, но, сами понимаете, никто мне такой радости не предложил.

Зря. Я бы выпил...

Парни, чьи лица виднелись за стеклами масок, терпеливо стояли рядом и ждали, пока я одевался. Смешно вспомнить, но руки дрожали, когда рубашку застегивал. Глупо, наверное, выглядело. Наконец я закончил одеваться, взял сверток и перебрался в соседнее помещение.

Установка, которая должна отправить меня «на тот свет», была похожа на медицинскую пилюлю, выкрашен-

ную в темно-серый цвет. Длинной чуть больше двух метров и диаметром около метра. Люк, похожий на крышку гробов новомодного дизайна, навесил не самые приятные ассоциации. Внутри виднелся ложемент из стекловолокна с ремнями безопасности.

Судя по направляющим, капсула поедет вперед и окажется между толстыми кольцами. Шесть металлических колец, каждое из которых напоминало покрывало от «Беллаза». Пучки проводов толщиной с мое запястье... На одной из бетонных стен виднелись узкие, похожие на бойницы окна с массивными рамами и толстыми стеклами.

Парни взяли мои вещи и уложили на дно капсулы. Закрепили и сделали приглашающий жест. Мол, давай, чего тянуть? Я что-то пробурчал и начал укладываться. Поерзал немного, устраиваясь поудобнее, хотя ложемент был изготовлен специально для меня и как ни укладывайся, а по-другому не ляжешь. Щелкнули ремни.

— Готов?

— Чего уж там... — кивнул я. — Поехали!

— Еще один космонавт, блин. Не переживай, земля! — пробубнил парень и неожиданно подмигнул. — Все будет нормально.

— Ну-ну...

Щелкнула крышка. Я остался один, и сразу навалилась духота. Понимал, что это ложное чувство, но легче от этого не становилось. Спустя несколько минут раздался противный звук сирены, капсула дрогнула и дернулась вперед. Послышался тяжелый нарастающий гул, заполняя тело противной мелкой дрожью.

Сжал зубы и почувствовал, как по лбу сбегала капля пота.

Еще немного, и я бы закричал. Не знаю, что-нибудь безнадежно-матерное. Не успел. Гул превратился в оглушительный вой, словно там, за тонкими стенками капсулы, ревел водопад.

Хлопок! Резкий, бьющий по ушам — и тишина... Чувство полета? Нет, ничего подобного! По телу, обжигая и царапая кожу, ударили тысячи раскаленных иголок.

Сознание, вопреки всем предупреждениям, не потерял. Может, и был какой-то момент, когда отключился, но не заметил. Слабость — да, была. Тело как ватное, руки дрожали. На лбу выступил холодный пот. Даже удара не почувствовал.

Легкий толчок, потом заскрипел песок, царапая днище капсулы, и все — тишина. Такая громкая, что я слышал биение сердца. Казалось, что оно колотилось где-то под горлом и затрудняло дыхание. Подождал несколько минут и непослушными руками нащупал запоры. Мне было страшно. Очень страшно.

Щелчок.

Люк открылся с первого раза. Видимо, я так испугался, что выбил крышку из пазов. Она отлетела в сторону и зашуршала в траве. Навалились лесные запахи, хлынул свежий воздух, а я лежал, пялился в голубое небо и боялся вдохнуть.

— Черт побери... — сказал я. Голос был каким-то чужим и совсем непохожим на мой. Охрипшим. Попробовал пошевелиться, а потом уцепился за края люка и сел. Осмотрелся. Лес. Обычный сосновый лес.

6

Первые минуты прошли в механическом, совершенно бездумном состоянии. Потом, уже много позже, я подумал: какой же ты, Александр Талицкий, везучий сукин сын! Меня можно было брать голыми руками вместе со всем арсеналом, наставлениями по выживанию и прочим бредом, которым пичкали Михалыч и его коллеги.

Понемногу ступор прошел, и я начал соображать. Распаковал вещи, зарядил винтовку и револьвер. Нацепил широкий ремень. Смешно прозвучит, но именно патронташ, набитый патронами, окончательно привел в чувство. Блестящие гильзы — как риски на линейке, с которой начался отсчет новой жизни.

Подобрал отброшенный люк и поставил его на место, не забыв выдернуть ярко-желтую ручку, закрепленную с левой стороны от ложементa. Щелкнул замок. Теперь можно уходить. Даже нужно! Потому что через десять минут сработает ликвидатор и внутренняя оболочка выгорит дотла, оставив лишь тонкую, почерневшую скорлупу капсулы.

Огляделся по сторонам — обычный сосновый бор, только деревья потолще и повыше. Сквозь густые ветви пробивались солнечные лучи. Птицы поют. Идиллия! Впереди, в просветах между деревьями, блеснула вода. Мне, если не ошибаюсь, туда и надо. Картой, как вы понимаете, меня не снабдили ввиду отсутствия таковой. Приходится полагаться на отчет Влада, вызубренный наизусть.

Парни из научного отдела утверждали, что меня выбросит неподалеку от того места, где три года назад появился Влад. Только рассказывали как-то не очень уверенно, словно и сами не знали, куда меня выкинет. Хотя... озеро в рапорте упоминалось. Первым пунктом.

Забросил на плечо рюкзак, взял винтовку и пошел вперед.

Не оглядываясь.

Я вообще не люблю оглядываться.

Солнце уже клонилось к закату, когда я подошел к озеру. Большое, надо заметить, озеро. Противоположный берег едва просматривался. Поначалу я подумал, что это какой-нибудь морской залив, но вода была пресной.

Под обрывом, заросшим высокими соснами, виднелась песчаная отмель. Валялись сухие деревья, выброшенные на берег, и целая россыпь гранитных валунов. Ни людей, ни лодок. Даже какой-нибудь струйки дыма, которая могла бы указать направление, не было.

Ну и черт с ними, аборигенами этими. Ночевать буду здесь.

Мирно потрескивал костер, разгоня сумеречный бархат чужого мира. Звездное небо над головой, россыпи неизвестных созвездий. Нет, романтиком я не был. Ни-

когда, даже в молодости. Несмотря на это, было спокойно. Прошел мандраж, прошли первые часы в этой параллельной реальности.

Подоспела каша, приправленная стружками вяленого мяса, которую я умял с большим аппетитом. Жевал, пялился на окрестности и размышлял, откуда мне начинать поиски. Для начала надо было найти какое-нибудь приметное место и спрятать посылку. Потерять, как и таскать с собой, эту пятикилограммовую коробку желания не было. Да и опасно — мало ли куда влипну.

Теперь, когда я оказался в этом «призраке», можно поделиться информацией, которой меня снабдили на базе. Как уже говорил — карты не было. Лишь скупое описание местности, которое Влад успел передать на базу. Эти факты, по большей части весьма приблизительные и отрывистые, могли помочь лишь в самом начале. Связь с этим миром неустойчивая, и полученный отчет Влада был расшифрован не полностью. Удалось зафиксировать эпоху и описание стартовой точки. Упоминались большое озеро и городишко, который находился в двух днях пути на юго-запад.

Уровень опасности, определенный Владом, относился к «желтой зоне», что значит... Да ни черта это не значит! Красная зона — это военные действия, а желтая... Фронтир, со всеми приличествующими развлечениями. Зеленый уровень — благодать земная. Только Михалыч как-то проговорился, что таких миров не было зафиксировано. Нигде и никогда. Желтый... Постреливают, надо понимать, и весьма активно. Ладно, поживем — увидим. Я выпил чаю и даже выкурил трубку, словно заключил мир с этой «призрачной» реальностью. Поглазел на звезды, подбросил в костер дров и лег спать. Утро вечера мудренее.

Ночь прошла спокойно, хоть и спал урывками, часто просыпаясь и вздрагивая от лесных шорохов. Где-то совсем рядом бродил какой-то большой зверь. Он шумно фыркал и даже рычал, будто я занял его место и мешал отдыхать. Тем не менее прекрасно выспался.